

12+

Михаил Гудаев

Дороги жизни нашей

2019

Михаил Гудаев
Дороги жизни нашей

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гудаев М. В.

Дороги жизни нашей / М. В. Гудаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10902-5

Написал книгу о своей родословной. Занимался поисками родственных связей много лет. Мне семьдесят два. Родом с поморского села Койда Мезенского района. Детство и юность прошли в далёком заполярном посёлке Шойна, расположенном в северной части полуострова Канин. Фамилии, завязанные на наш род - Малыгины, Гудаевы, Миллер... Занятие захватывающее и очень интересное. Наверное, и полезное, потому что то, о чём узнал я, сейчас будут знать и другие. В книге подробно рассказано о трудной жизни родителей, братьев и сестёр, а также их творческих увлечениях.

ISBN 978-5-532-10902-5

© Гудаев М. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Слово к читателю	5
Малая Родина	7
Койда – родина по рождению	8
Погорелец – родина отца	10
Шойна – родина по жизни	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Слово к читателю

“Посвящаю эту книгу многочисленным родственникам по материнской и отцовской линиям. Пусть она станет своеобразным Памятником тем, кого уже нет среди нас”.

Пока мы живы, мы помним

*Мы вспоминаем часто тех, кого давно уж нету с нами,
Своих родных, учителей, друзей, соратников. А сами?
Да нам самим за шестьдесят, болезней тучище с годами,
Но возвращает Память нас зовущими из детства голосами.*

*Не в силах мы сдержать слезу, порыв вернуться снова в детство,
К родному дому, к очагу, где всё знакомо с малолетства.
Где мать жива и мир вокруг и снова утром по тропинке,
Бежим мы в школьную страну, а там всё будто по старинке.*

*Учитель, класс, мы у доски, подсказки с мест многоголосы,
Звонок с урока, крики, писк, девчонок, дернутых за косы.
И вновь за партами сидим и снова мысленно мечтаем,
Когда же время пролетит, и взрослыми людьми мы станем.*

*Как много лет прошло с тех пор, а мы мечтаем всё о детстве,
Приходим мы туда порой душой стараясь отогреться.
Там жили люди кому “Честь” была весомым словом с детства,
Где не было так много лжи, лукавства, зависти и зверства.*

*Михаил Гудаев
Декабрь 2018 года. Г. Новодвинск*

Дороги, дороги! Как же их было много. У каждого они свои, но у всех начинались с тропинки, со школьной тропинки. Сколько же троп и дорог разных исходит человек за жизнь свою?

Дороги жизни нашей, на мой взгляд, понятие более ёмкое, не просто пространственное.

Кроме ответа на вопрос, где ты был и сколько прошагал километров за свою жизнь, ты должен иметь ответы и на такие вопросы, как: кто ты такой, откуда, зачем родился и живешь на этой земле?

Мне 72 года. Уже шесть лет как я не работаю. Пишу мемуары, общаюсь через интернет с теми людьми, которые для меня интересны или наоборот интересен я для них. Я человек свободный для мыслей, воспоминаний, суждений. Мне многое нравится в нынешней жизни, но многое и не нравится. Хочется, чтобы поменялось, а мысли подсказывают: “Жить дальше молодым, а если им такая жизнь нравится?”.

Вспоминая сегодня о прожитых годах, думаешь: “А ведь жизненные дороги могли быть и другими”. Судьба. Да судьба иногда играет большую роль в нашей жизни.

В 1967 году во время моей срочной службы комбат агитировал поступать в высшее военное училище. Вопрос уже почти был решён, но судьба распорядилась по-другому, и на учёбу в училище я не попал по совсем не зависящим от меня обстоятельствам.

Или взять 1968 год. Я пытаюсь после трёх лет службы в армии поступить во второй Московский медицинский институт. Меня интересовали появившиеся в этом вузе новые факультеты биофизики и биохимии. Сдал все экзамены, но конкурс был большим, и мне не хватило полбалла, чтобы стать студентом. Судьба и здесь меня почему-то отвела от задуманной цели. Некоторые подумают. “Не умеет добиваться своей цели”. Пусть думают, думать никому не вредно. Просто жизненный принцип у меня. Не возвращайся туда, откуда тебя попросили.

В 1975 году работая инструктором в окружном комитете партии я, конечно, имел перспективу своего карьерного роста, но в 1976 году, после окончания института, по своей, же просьбе я уезжаю работать директором школы и работаю на этой должности почти четверть века.

Скорее всего, причина была в том, что хотелось быть более независимым человеком и думать о происходящем так, как подсказывали твои мысли, а не как подсказывали тебе “старшие товарищи”.

Утверждение “Человек предполагает, а бог (судьба) располагает” в жизни человека играет не последнюю роль. Надежды, мечты, чётко выверенные планы в любой момент могут быть нарушены различными жизненными ситуациями.

С коллегами из Новодвинской и Северодвинской школ-интернатов. 1998 год.
Фото из семейного архива

И всё-таки я доволен пройденными дорогами жизни. Я их посвятил очень важному для общества делу – воспитанию подрастающего поколения, детям. И сейчас я доволен тем, что мне жизнь предоставила несколько лет, чтобы поделиться с другими своими воспоминаниями.

Малая Родина

Семья, в которой я родился и вырос, была обычной северной семьей. Отец, мать и шестеро детей (четыре брата и две сестры). Самая старшая сестра родилась в 1930 году, а самый младший, это я, в 1946 году. Все кроме отца родились в селе Койда Мезенского района, Архангельской области. Отец родом из села Погорелец тоже Мезенского района.

В довоенные годы родители работали на почте в селе Койда. В 1937 году отца переводят начальником почты в город Мезень. С 1937 по 1940 год семья живет в Мезени, в Большой Слободе, затем снова возвращается в село Койда. В те годы меня ещё не было.

По тем сведениям, которые мне удалось узнать о своих прадедах, следует, что корни идут в основном с Мезенского района (Мезень, Койда, Погорелец, Кильца), но не только. Как оказалось, они идут также и с Архангельска, Холмогорского района

Отец, прошедший всю войну, в 1949 году умирает от болезней. Мать с семьёй переезжает из Койды в Шойну, на полуостров Канин. Повзрослевшие братья и сёстры в шестидесятых годах уезжают из Шойны. Я с матерью и братом выезжаю из Шойны в город Новодвинск в 1984 году. Последней покидает этот посёлок старшая сестра, в 1995 году.

Заполярный посёлок Шойна для меня остается Малой Родиной. В сёлах Койда и Погорелец мне не суждено было побывать. Мезень всегда была местом пересадки, когда летал в Архангельск или возвращался обратно в Шойну.

В Холмогорах, Верхнем и Нижнем Койдокурье, мне было суждено, побывать уже в двухтысячных годах проживая в Новодвинске.

Койда – родина по рождению

Койда – старинное поморское село, расположенное на левом берегу реки Койда, в 20 километрах от полярного круга и в 107 километрах от районного центра города Мезени.

Как следует из рассказов историков первыми поселенцами Койды были крестьяне деревни Куя, которые были вынуждены оставить свои родные места из-за набегов шведов. В 1701 году шведы сожгли в Куе все крестьянские дворы, варницы, часовню. Уцелевшие жители бежали в более безопасные места, так в Койде появились первые поселенцы, крестьяне из Куи, Иван Малыгин и Семён Корельский.

«Они поселились едиными только домами на пустом буерачном и овражном месте близ самого моря для лучшего и ближайшего сального и рыбного промысла».

Так возникло здесь постоянное поселение, получившее название от существовавшей когда-то Койдокурской волости, названной по имени чудина Койдо, жившего, по преданиям, в селе Койдокурье.

По преданиям «поколение Койдо было мужественно, великоросло и чрезвычайно сильно. Члены его семьи могли переговариваться или иметь перекличку на шестивёрстном расстоянии. Один из тех "чудинов" был столь силен, что однажды, когда он вышел поутру из ворот и затем чихнул, то своим чохом до того испугал барана, что тот бросился в огород и убится до смерти».

Старейшим промыслом в Койде, конечно, был зверобойный. С конца XIX века Койда – самая крупная база зверобойного промысла на всем побережье Белого моря. «До полутора тысяч народу со всего Зимнего берега собиралось на зверобойный промысел в Кедах. Вблизи Кедовского мыса построено около 120 промысловых избушек. Промысел на Кедах был одним из старинных и считался наиболее опасным. Существовала поговорка «идти на Кеды – наживать себе беды»».

Занятиями жителей Койды также всегда были рыболовство, преимущественно морской прибрежный промысел семги.

Койдяне от предков были признанными судостроителями и мореходами. Мастера – самоучки из поколения в поколение передавали опыт и знания по судостроительству.

На своих судах ходили в Белом и Баренцевом морях на промысел трески, на Мурманск. Занимаясь морскими перевозками и торговлей, койдяне неоднократно бывали в Норвегии.

Койда была одним из центров старообрядчества. На средства койденских крестьян в 1914 году был возведен старообрядческий храм. Самостоятельный церковный приход в Койде образован в 1850 году с постройкой здесь первой деревянной церкви во имя Николая Чудотворца.

В 1930 году в Койде был образован колхоз «Освобождение», названный в честь освобождения Севера от интервентов. На селе в ту пору было 65 хозяйств с населением 349 человек.

Привожу здесь текст статьи, в которой очень красочно и ёмко рассказано про эту северную деревню.

(Статья «У самого Белого моря» из газеты «Правда Севера» за 2014 год, автор – Александр Обоимов.)

«Старинные избы в Койде стоят, как корабли у причала. Все они длинны и высоки, с глухими боковыми стенами, с бревенчатыми подъемами, которые здесь называют съездами. Многие из них построены более века назад, но стоят крепко. В селе работают три магазина, есть почтовое отделение, школа и знаменитый колхоз «Освобождение», который обеспечивает работой большую часть населения. В продуктовом магазине меня приятно удивили цены на семгу – меньше трехсот рублей за килограмм. А еще здесь спокойно отпускают товар в долг – под запись все что угодно, кроме спиртного, об этом даже написано на объявлении в магазине.

В каждом дворе есть приусадебные участки, на которых местные жители выращивают овощи, и это в двух десятках километров от Полярного круга! А сколько здесь ягод и грибов!

В сезон на сбор морошки выходят и стар и млад, за две недели тяжкого труда многие обеспечивают себя материально на всю зиму. Главное – не лениться.

Гуляя по окрестностям, я обратил внимание, что на берегу моря стоит множество обетных и памятных крестов, установленных не только в старину, но и в сравнительно недавнее время. Меня заинтересовали три креста, которые находятся на угоре, рядом с селом. Один был установлен ещё в 1910 году. Местные жители уже и не помнят, кто и в связи, с чем его поставил. Второй появился уже в советское время.

История такова: в ноябре 1945 года из Койды в Мурманск вышло промысловое судно «Каганович», во время шторма оно погребло, забрав на дно морское 14 жителей Койды. Как потом установили, трагедия случилась 1 декабря в Баренцевом море, у Кольского полуострова, напротив устья реки Восточная Лица. А в 1952 году на койденский берег море выбросило бортовую доску с надписью: «Каганович».

Народ был поражен. Семь лет ветра и течения кружили эту весточку и наконец, доставили от мурманского берега прямо к тому самому селу, чьи жители утонули. Третий крест был установлен на рубеже 1950–1960-х годов. Его изготовил местный житель Малыгин в память о своем отце – боцмане судна «Иван Златоуст», затонувшего перед революцией в Мезенской губе.

Стоит рядом с селом и памятный крест с надписью об отце великого ученого Михаила Ломоносова – Василии Дорофеевиче, который погиб весной 1741 года в районе острова Моржовец во время традиционного поморского промысла морского зверя в Белом море”.

Погорелец – родина отца

Историческая справка: “Деревня Погорелец расположена в центре Мезенского района, на правом берегу реки Мезень, в устье ручья Погорельский. Ниже деревни по течению Мезени находится село Козьмогородское. Погорелец – одно из самых старых поселений всей мезенской округи, ему более 450 лет. Слово «погорие» в прошлом обозначало «дом на горе», «поселение на горе». Отсюда и название деревни, вольготно расположившейся на высоком берегу реки Мезень.

Уникальность этого населенного пункта – не только в удачном местоположении на горе в окружении ручьев, леса, реки, но и завораживающая деревянная архитектура, и богатые дары природы. Сохранить уникальное северное поселение удалось благодаря усилиям местных жителей. Подлинным украшением деревни является архитектурный комплекс, объединяющий церковь Рождества Иоанна Предтечи 1896 года постройки, две ветряные мельницы, а также огромные жилые дома – двухэтажные хоромы с просторными поветями”. Довольно интересно и подробно описана эта деревня в размещенной у меня здесь статье.

(Статья из газеты “Север” Мезенского района от 18 апреля 2003 года. Автор – Н. Шульгин, краевед. г. Архангельск.)

“Деревня Погорелец известна с 1561 года из записок английских торговых агентов, посетивших нижнее течение реки Мезени в поисках кратчайшего пути к южным морям. В русских источниках впервые встречаем упоминание в Приходной книге Новгородской четверти 1620 года: "Погорельские волости за Офоньюю Трофимовым сенные покосы наволочки на реке на Няфте с нижнего конца от Симоновы ворги вверх до Нырзанги речки оброку три алтына две денги".

К 1624 году Погорелец ("Трушевская тож") уже насчитывал 25 дворов. Трофима (Трушу) Бакова следует считать первым известным поселенцем деревни. Сохранившиеся в народной памяти названия Чикинская, Будановская, как и настоящее, Погорелец, принадлежали, видимо, отдельным околоткам, составившим деревню.

Анализ переписных книг XVII столетия позволяет отнести к первопоселенцам Погорельца также Ярковых, Тяпуевых, Клыковых, Падрухиных, донные проживающих в деревне, а также Бакowych, Мишуковых, Щепихиных, Марковых, отселившихся в конце XVII – начале XIX вв. на реку Пезу и образовавших там новые деревни.

До середины XX столетия деревню обеспечивали сеном прибрежные острова и наволочки лесных речек. Своенравная река Мезень смыла близлежащие сенокосные острова, и коллективное хозяйство деревни, носившее мясомолочное направление, постепенно пришло в упадок.

К середине XVII столетия деревня разделила участь всех мезенских поселений: из – за длительных неурожаев и последовавшей "хлебной скудости" жители оставили деревню, но уже вскоре к оставшимся четырем жилым дворам присоединилось еще шесть. В 1678 году по-прежнему 9 дворов оставались пустыми, причем писцы бесстрастно сообщают, что жители 11 дворов "ходят по миру". К 1710 году жилыми было 24 двора.

Количество жилья при переписях претерпевает значительные колебания: в 1719 г. – 24 двора, в 1782 г. – 22, в 1795г. – 27, в 1816 г. – 20, в 1850 г. – 15, в 1858 г. – 13, в 1888 г. – 28, наконец, в 1913 году – 40 и в 1922 году – 57 дворов.

То же наблюдается и в численности населения: с 1763 по 1816 годы численность деревни уменьшилась со 172 до 96 человек, то есть почти вдвое. Однако анализ переписных данных не подтверждает сохранившихся преданий о том, что случившемся в древности пожаром была целиком уничтожена деревня в 70 дворов, и о моровом поветрии, когда в живых остался лишь каждый десятый (АГВ N10 за 1884 г.)

Рассказ о большом пожаре в деревне попал на страницы губернской газеты в 1896 году (№61). Пожар случился 16 июля того года, когда все взрослое население было занято уборкой сена на другом берегу реки. Первые, кто увидел пожар, бросились к лодкам, и вскоре на берегу не осталось ни одной лодки. Те, кто бросился переплывать реку вплавь, добрались до противоположного берега обессиленными, а те, кто остался на противоположном берегу, были вынуждены в отчаянии наблюдать гибель своего имущества.

Пожар истребил "целый околоток в 17 лучших крестьянских домов со всеми домовыми постройками: амбарами, банями, погребями и овинами, и всем движимым имуществом; равно сгорели дотла часовня и вновь строящаяся церковь с бывшим наготове пиловочным и строевым лесом". Десять семей, которые не успели переправиться через реку и спасти имущество, остались совсем голыми. Сгорел и мелкий скот, набившийся в горящие хлева, спасся лишь скот, пасшийся вдали от деревни. От деревни осталось лишь 15 домов – околоток, отделенный небольшим полем.

Пашня в деревне простирается на семь верст, на одну душу приходилось лишь по 885 сажений, сенокосы делились между крестьянами по одной десятине 541 сажени на душу, что было очень мало "При сравнительно малом наделе пашни здешние крестьяне чувствуют нужду и в сенокосах, поэтому скотоводство менее развито, чем в других селениях". (АГВ №10 за 1884г.).

Занятиями крестьян служили плотничество, столярные работы, изготовление летних и зимних повозок, пятеро домохозяев держали почтовую станцию (1884г), некоторые отходили на работы в Петербург, другие занимались охотой. По данным 1785 года, 13 крестьян работали при доме, трое – "в казаках" (батраках), двое плотничали, трое "по пашпортам" уходили в столицу, один находился на рыбном промысле, один изготовлял посуду, один портняжил. Женщины занимались домашним ткачеством.

В пору своего расцвета, в конце XIX века, Погорелец в силу своего срединного положения стал волостным центром для целого куста близлежащих деревень и одновременно почтовой станцией на пинежско – мезенском тракте. В поселении проживало немало политссыльных, одному из них, Грузинову, мы обязаны прекрасными фотоснимками начала XIX века.

Введенская часовня, которая была построена в первой половине XVIII века, сгорела во время пожара. В 1898 году была построена новая церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи. В настоящее время восстановлена и вновь функционирует.

Из достопримечательностей районного масштаба деревня сохранила две мельницы – ветрянки – едва ли не единственные в районе”.

Шойна – родина по жизни

Становище Шойна Канино-Тиманского района Ненецкого-национального округа Архангельской появилось в 30-е годы XX века.

Некоторые мезенские мужики, исправно промышляющие ежегодно в этих районах рыбу и морского зверя, начали постепенно переселяться сюда семьями. В 1930 – ом году, на берег реки Шойна, из Холмогор на парусных карбасах привезли около пятидесяти рыбаков. Вначале в поселке было 5 небольших построек: баня, конюшня, склад и два жилых дома. В 1936 году произошло еще одно крупное событие: образовался колхоз «Красный промышленник».

В 1935-36 годах в Шойне построили консервный завод. Выловленную навагу, камбалу, сайку и даже куропатку перерабатывали на консервы, отправляли морским транспортом в Архангельск и в Мезень, после чего эти консервы развозились по всей стране.

К 1939 г. Шойна это большой рабочий поселок с населением до восьмисот человек. Здесь уже работали метеостанция, сберкасса, почта, школа, больница, аптека, столовая, детский сад, библиотека.

Полуостров Канин. Становище Шойна. 50-е годы

Были построены два причала (базы) на которых с ранней весны до поздней осени шла приёмка, переработка, затаривание и отправка на большую землю морских богатств Канина. Работали сетевязка, механические мастерские, кузница. На летний период в Шойну из Архангельска привозили большими отрядами сезонных рабочих. Сюда направлялись высококвалифицированные специалисты из центральных городов страны – Москвы и Ленинграда.

Посёлок был крупным центром рыбообрабатывающей промышленности Архангельской области. В реку Шойну заходили морские грузовые и пассажирские теплоходы.

Большую роль посёлок сыграл и в годы Великой Отечественной войны. Вся продукция Канинского рыбозавода направлялась на фронт. Сюда привозили людей и с оккупированных фашистами территорий. Немецкие самолёты безуспешно пытались уничтожить причалы и зда-

ния рыбозавода. Для отражения самолётов противника в посёлке располагалась артиллерийская батарея.

Причалы Шойнского порта.

В пятидесятых годах в Шойне идет интенсивное строительство. Строятся здания сельского Совета, двухэтажной школы, жилые дома, новый маяк. Начинается регулярное сообщение самолетами с Мезенью, Пёшей и Нарьян-Маром. В летний период с Архангельска приходят пассажирские пароходы «Канин», «Мудьюг», «Карелия».

**Полуостров Канин. Становище Шойна. 50-е годы.
Мотобота с рыбой ожидающие места у причалов для разгрузки**

Из-за запрета на морской промысел тресковых рыб в районе полуострова Канин в марте 1958 года Канинский рыбозавод реорганизуют в Канинское отделение Мезенского рыбокомбината.

Рабочие постепенно переводятся на предприятия Архангельской области и Нарьян-Мара. Многие из жителей Шойны выехали в те годы в посёлок Первомайский города Архангельска, где устроились работать на целлюлозно-бумажный комбинат.

В 1960 году колхоз «Красный промышленник» стал частью укрупнённого колхоза «Северный полюс» правление, которого было размещено в селе Несь.

С 60-х годов Шойна оказалась в категории «неперспективных» посёлков. Рыбные запасы у западного берега Канинского полуострова были большими. Шойна, как говорили, “в сороковые – пятидесятые годы своей рыбой полстраны кормила”. Однако рыбное изобилие, которым природа одарила Шойну, конечно же, не могло быть беспредельным.

Природа и прежде всего море, как бы почувствовали, что настало и их время показать свою силу. В осенний период в районе Шойны сильные шторма привычное дело, но октябрьский шторм 1963 года был разрушительным. Ураганный северо-западный ветер обрушил на поселок огромные волны. Подмыло несколько жилых домов, клуб и складские помещения местного потребительского кооператива. Мебель и другую утварь на следующий день вылавливали в реке. Здания уже были не пригодны к проживанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.